

Рина Каз

Архитектор оттепели

18+

Рина Каз

Архитектон оттепели

<https://litres.ru/74381542>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он родился не в золотой клетке. Его воспитала сталь, боль и предательство. Дмитрий Бондаренко — человек, который из пепла разбитого детства построил империю. Холодный, расчётливый, неприступный. Лев, который не знает пощады. Никогда не доверять. Никогда не показывать слабость. Никогда не быть вторым. Эти правила стали его крепостью. Но крепости рушатся. Особенно когда внутрь впускаешь ту, что пахнет солнцем и отказывается бояться.

Эта книга о том, как лед превращается в воду. О том, как ненависть учится любить. О том, как за самой страшной ложью может оказаться самая честная правда. И о том, что за каждым холодным фасадом скрывается человек, который просто слишком долго ждал, чтобы его согрели.

Вторая часть трилогии «Архитектон». История Дмитрия. До встречи с ней. И после.

Содержание

Пролог	4
Глава 1: Бесконечное лето (Дима, 13 лет)	7
Глава 2: Захлопнувшаяся дверь	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Рина Каз

Архитектон оттепели

Пролог

Тишина. Она давит сильнее любого крика. Сильнее хлопка двери, за которой отец ушел навсегда. Сильнее рева мотора его черного «Мерседеса», затихающего за поворотом. Сильнее стука собственного сердца — оно колотится где-то в горле, готовое разорваться.

Дмитрий стоит посреди кабинета. Здесь все еще пахнет отцом: старой кожей дивана, коньяком, бумагой. Запах оседает на языке горьким привкусом. Взгляд падает вниз — на ковер, на осколки фарфора. Они блестят в полумраке, острые, как зубья. Разбитая чашка. Та самая, из которой отец пил кофе каждое утро, разговаривая по телефону с партнерами. Обсуждая планы. Великие планы. В которых не было места ни ему, ни матери.

«Навсегда. Другая семья».

Эти слова мамы врезаются в память, как эти осколки в ковер. Дмитрий поднимает голову и видит себя в зеркале во всю стену. Мальчик. Тринадцать лет. Но глаза... глаза не его. В них нет слез, нет боли, нет ничего. Только черная пустота. Она поглотила все: лето, улыбку матери, гордость за фа-

милию, запах отцовского парфюма, который раньше казался таким надежным. Ничего не осталось.

Он смотрит на разбитый фарфор, на отражение в зеркале, на чужое лицо. И в этой тишине, среди обломков того, что когда-то было его жизнью, он клянется. Шепотом, но каждое слово въедается в кожу, врастает в кости, становится частью его, как шрам.

Никогда не доверять.

Никогда не показывать слабость.

Никогда не быть вторым.

Никогда не быть брошенным.

Чистый лист ватмана. Карандаш с фирменной «Н» ложится в руку. Пальцы ловко перехватывают его, готовясь чертить.

Прижал линейку. Провел линию — резкую, прямую. Потом другую. Потом третью.

Он чертил стены. Толстые, глухие. Крепость. Свою крепость. Каждая линия была клятвой.

Архитектон.

Название вспыхнуло ледяной яростью само. Холодное и одновременно обжигающее.

Он тогда еще не знал, что эта крепость станет его империей. Что лед превратится в доспехи.

Не знал, что годы спустя в его безупречно выстроенный

мир ворвется девушка с карими глазами и дерзкой ухмылкой, и ее тепло окажется единственным, что сможет пробить эту оборону.

Но это — другая история.

А пока...

Пока был только холод.

Пока была клятва.

Пока был мальчик, рисующий стены своей будущей тюрьмы под взглядом призрака в зеркале.

И тишина.

Глубокая, всепоглощающая.

Предвестник бури.

Глава 1: Бесконечное лето (Дима, 13 лет)

Лето 1999 года запомнилось мне тремя запахами. Хлоркой от бассейна, раскаленным камнем террасы и кожей отцовского кресла в кабинете. Оно тянулось бесконечно, и в моей тринадцатилетней голове намертво связалось с одним словом. Отец.

Особенно я ждал дней, когда его черный «Мерседес» появлялся у ворот раньше обычного. Он плавно въезжал на территорию нашего подмосковного дома, и я, как пружина, выстреливал с шезлонга у бассейна. Вода с моего тела оставляла темные следы на идеальном газоне.

— Пап! Ты приехал!

Я стыдился этого детского восторга в собственном голосе, но сдержаться не мог.

Он выходил из машины медленно, как всегда. Николай Роцин. Резкие скулы, проседь у висков, твердый подбородок — все это складывалось в строгое выражение, почти суровое. Но когда он видел меня, бегущего к нему, лицо менялось. Не улыбка нет, отец улыбался редко, скорее, едва заметное смягчение вокруг глаз, которое я научился ловить, как луч света.

— Дима. — Его ладонь, теплая и тяжелая, лежала на мои мокрые волосы. — Вода не холодная? Тренер приходил?

— Да, пап! Проплыл пятьсот метров без остановки! И тренер сказал, что у меня хорошая техника!

Он похлопал меня по плечу. В этом простом жесте помещалось целое море одобрения.

— Молодец. Только не забывай про растяжку.

Потом он шел в дом, а я, как щенок, семенил за ним, стараясь подстроить шаг под его широкую походку. Наш дом казался мне огромным — мраморные полы, хрустальные люстры, картины в массивных рамах. Но центром вселенной был отцовский кабинет.

Отец снимал пиджак, аккуратно вешал его на спинку кресла за массивным дубовым столом. На столе царил идеальный порядок. Стопки документов с логотипом «РошинИндастриз», чертежи, прижатые бронзовыми пресс-папье, несколько телефонов. И главное — детализированная модель нового бизнес-центра. Я замер на пороге, боясь нарушить эту почти священную тишину.

— Стоишь как призрак, — сказал отец, не оборачиваясь, наливая коньяк в хрустальный бокал. — Заходи, если хочешь. Только ничего не трогай.

Я вошел, стараясь ступать как можно тише. Воздух в кабинете был особенным. Смесь старого дерева, кожи, бумаги и чего-то еще, что я тогда не мог назвать, но теперь, оглядываясь назад, понимаю. Это был запах власти.

Подойдя к столу, я замороженно смотрел на миниатюрный городок из стекла и бетона..

— Красиво, пап, — прошептал я. — Это будет самый высокий в городе?

— В этом районе — да. — Он сделал глоток и подошел ко мне. — Но высота не главное. Важна надежность. Чтобы стоял века. Чтобы люди внутри чувствовали себя в безопасности, как в крепости. — Он провел пальцем по крыше модели. — Это лицо компании. Мое лицо. Понимаешь?

Я кивал, хотя понимал лишь одно: все, к чему прикасался отец, становилось важным. Его компания строила не просто здания. Целые миры. И я гордился этим до боли в груди.

— Когда я вырасту, я тоже буду строить такие! — вырвалось у меня. — Самые лучшие!

Отец посмотрел на меня долгим взглядом. Его рука снова легла на мое плечо.

— Чтобы строить, нужно сначала научиться нести ответственность, Дима. За каждую балку. За каждую жизнь, которая будет в твоих зданиях. Это тяжело. Очень тяжело. — Он сделал паузу, отпил коньяка. — Но если решишь... учись. Будь лучшим. Рощины не бывают вторыми.

— Я буду лучшим, пап! Обещаю!

Уголок его губ дрогнул. Максимальное проявление одобрения, на которое он был способен.

— Хорошо. Тогда можешь посмотреть чертежи фасада. Осторожно.

Высшая награда. Я развернул огромный лист ватмана, покрытый ровными линиями и цифрами. Я понимал не все, но чувствовал, что передо мной не просто чертеж, а воплощенная мысль отца. Это завораживало.

Так я запомнил то лето. Большой светлый дом. Бассейн, где я чувствовал себя чемпионом. Мама — красивая и утонченная, всегда встречавшая меня улыбкой. И он. Николай Рощин. Мой отец. Человек, казавшийся мне неприступной крепостью, к которой я так стремился.

Но трещины уже появлялись тогда. Почти незаметные.

Иногда он задерживался допоздна. Мама ходила по дому тихо, словно тень. Ее лицо становилось напряженным, глаза слишком большими и грустными. Она включала классическую музыку, но музыка не могла заглушить тишину ожидания.

Иногда из-за двери кабинета доносился его голос. Жесткий, холодный, незнакомый. Я замирал в коридоре, не понимая слов, но чувствуя, как воздух наполняется ледяным напряжением. Потом он выходил и уезжал, бросив на ходу: «Дела. Не ждите к ужину».

А мама потом улыбалась мне слишком ярко, слишком старательно. Глаза оставались грустными. Иногда я ловил на себе ее взгляд полный странной жалости. Я ненавидел этот взгляд.

Однажды вечером я услышал их разговор.

— ...ты совсем забыл, что у тебя есть семья! — голос ма-

тери дрожал. — Мы стали для тебя просто фоном!

— Не говори глупостей. — холодный голос отца.— Я обеспечиваю вас всем. Этот дом, твои наряды, учеба Димы... Все это требует денег и времени. Компания — это и есть наша семья. Ее будущее.

— Будущее? А настоящее? Когда ты последний раз был с нами? Дима тебя почти не видит!

— Он понимает, что такое ответственность! — голос отца стал резче. — Он знает, что успех требует жертв. Или тебе мало того, что у тебя есть?

Тишина. Потом тихие всхлипывания. Мама плакала. Этот звук пронзил меня, как нож. Я никогда не слышал, чтобы она плакала.

— Хватит. Я уезжаю. Совещание.

Его шаги быстро и тяжело удалялись и затем полностью затихли. Хлопнула дверь. Я убежал в свою комнату, зарылся лицом в подушку. Почему она его злит? И почему мне так больно за нее?

Но утром все было как обычно. Отец читал газету. Мама улыбалась, подавая мне глазунью. Я убеждал себя, что вчерашнее — это просто недоразумение. Что наша семья крепка, как те здания, что строил отец.

Я верил в это. До того самого дня, когда дверь кабинета захлопнулась за ним навсегда. Оставив после себя только тишину и осколки нашего бесконечного лета.

Глава 2: Захлопнувшаяся дверь

Лето кончилось. Не календарное, нет. Сентябрь только наступил. А кончилось то самое, бесконечное, пахнущее хлоркой и отцовским одеколоном. Оно испарилось, оставив после себя серое небо и липкий холод внутри дома, который даже работающее отопление не могло прогнать.

В воздухе висело что-то неправильное. Отец не появлялся три дня, не звонил. Дверь его кабинета стояла приоткрытой — непривычная щель, как незакрытая рана. Мама ходила по дому бледная, с красными веками, и когда я спрашивал про папу, ее улыбка становилась кривой, а глаза смотрели сквозь меня, в какую-то пустоту, куда мне не было доступа.

— Мам, а папа? — спросил я вчера.

Она вздрогнула:

— Дела, Димочка. Важные дела. Он скоро вернется.

Но он не вернулся. Ни вчера, ни сегодня. Утром мама не вышла к завтраку, и горничная Наталья, поставив передо мной тарелку, сказала, что Ирина Сергеевна нездорова.

Школа прошла как в тумане. Я бежал домой под дождем, не чувствуя ни рези в боку, ни холодной воды на лице. Надо к маме. Надо узнать.

— Мам? — мой голос жалко прокатился под высокими потолками.

Страх сжал горло. Я бросился наверх, в ее спальню, где дверь была приоткрыта. Мама сидела на краю кровати, в руке сжимала скомканный лист бумаги. Ее лицо было мертвенно-бледным, заплаканным, но сейчас она не плакала, а просто смотрела в пустоту. Рядом с ней на шелковом покрывале лежал отцовский галстук с синим узором.

— Мам, что случилось?

Голос сорвался на шепот. Она медленно повернула голову, увидела меня, и в ее пустых глазах вспыхнула такая боль, что я отшатнулся.

— Димочка... — голос был хриплым, чужим. Она протянула дрожащую руку. — Подойди, сынок.

Я подошел. Она обняла меня, прижала к себе так сильно, что стало больно.

— Мам, где папа? Попал в аварию? Он... жив?

Ее руки сжали меня еще крепче.

— Жив. — Шепот, почти беззвучный. — Жив, сынок. Он просто ушел.

— Ушел? Куда? Надолго?

Я вырвался из ее объятий, чтобы видеть лицо. Она смотрела на меня с жалостью — той самой, которую я ненавидел, — и в этот раз от нее стало по-настоящему страшно.

— Навсегда, Дима. Он нас оставил. У него другая семья. Другая жизнь.

Мир перевернулся. Ушел. Навсегда. Другая семья. Я не верил. Папа?

— Неправда! — вырвалось у меня. — Ты врешь! Он не мог! Он на работе! Вернется!

Я отпрянул, чувствуя, как внутри закипает что-то горячее и черное.

— Ты его прогнала! Из-за твоих истерик! Я слышал!

Мама закрыла лицо руками, ее плечи затряслись от беззвучных рыданий.

— Дима... милый... Я не... Это не так...

Но я уже не слушал. Выскочил из комнаты, хлопнув дверью. Неправда! — стучало в висках. Я несея по коридору, к темному провалу отцовского кабинета.

Я ворвался туда, не включая свет. Знакомый запах — дерево, кожа, едва уловимый парфюм — ударил в нос. На столе царил беспорядок. Чертежи сдвинуты, латунный пресс-папье валялся на боку, и главное — недопитая чашка кофе. Холодная, с засохшим ободком. Папина чашка. Рядом с ней его любимый перьевой Parker. Он всегда носил его с собой.

Навсегда.

Я рванул к шкафу, распахнул створки с яростной силой. Половина вешалок пуста. Его лучшие костюмы исчезли. Гардеробная, ванная — пустые крючки, пустая полка для бритвы, пустой стакан для щетки. Порядок, который он так любил, был разрушен.

Он нас оставил. У него другая семья.

Слова матери вбивались в сознание, находя ужасное подтверждение в этой пустоте. Я стоял посреди кабинета в темноте и дрожал. От ледяного холода, заполнившего все. Я верил ему. А он... бросил. *Меня.*

«*Рощины не бывают вторыми*» — злая насмешка. Для него мы оказались последними.

Гнев поднялся из глубины, слепой и бешеный. Я схватил его чашку и швырнул изо всех сил в стену.

Звон. Осколки фарфора разлетелись по полу.

Мама вбежала в комнату и замерла на пороге, с глазами, полными ужаса.

— Дима! Порежешься! Осторожно!

Она бросилась ко мне, пытаясь оттащить от осколков, но я вырвался.

— Не трогай меня! — прошипел я. — Он предатель! Слабак! Трус!

Я ненавижу его. И ее жалость, которая делала меня униженным.

— Димочка, нет...

— Он презирал слабость! — выкрикнул я, отшатываясь.
— Мы для него стали слабостью! Обузой!

Я почувствовал, как что-то внутри затвердевает. Боль, стыд, ярость — все спрессовалось в одно холодное, острое лезвие. Я выпрямился, стер слезы кулаком.

— Я больше не Рощин, — сказал я четко. — Не хочу его фамилию. Никогда.

— Дмитрий! Не говори так! Это твой отец!

— У меня нет отца. — Голос был ровным, пустым. — И я больше не буду слабым. Никогда.

Я прошел мимо нее, осторожно ступая между осколками.

В своей комнате я запер дверь, выключил свет и сел на пол. Тишина гудела в ушах, но внутри был только холод. Я подполз к столу, включил настольную лампу и ее свет упал на чистый лист ватмана. Рядом лежали карандаши, линейка.

Руки дрожали. Я взял карандаш, самый твердый. «Н» — логотип отца. Прижал линейку. Провел резкую, прямую линию, без единого колебания. Потом другую. Потом третью.

Никаких небоскребов.

Я чертил стены. Толстые, глухие.

Башню с бойницами.

Крепость.

МОЮ КРЕПОСТЬ.

Каждая линия была клятвой:

Никогда не доверять.

Никогда не показывать слабость.

Никогда не быть вторым.

Никогда не быть брошенным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.